

F * W

FANTASY * WORLD

АНТОН ДЕМЧЕНКО

ШАГ ПЕРВЫЙ.
МАСТЕР
ИЛЛЮЗИЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д31

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 17

Оформление обложки *Сергея Курганова*

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

Д31 **Демченко, Антон Витальевич**

Хольмград LXXVI: Шаг первый. Мастер иллюзий: роман / Антон Демченко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-110341-5

Здесь летающие машины соседствуют с магическими артефактами, волхвы полемизируют с церковью, а в университетах, на кафедрах философии и естествознания изучают теорию ментального манипулирования. Мобильные телефоны похожи на волшебные зеркала, наговоры рассчитываются на компьютерах, а в небе состязаются дирижабли и реактивные самолёты-«скаты». С момента появления в Хольмграде некоего Виталия Родионовича Старицкого, прошло семьдесят лет. Изрядно потревоженный неугомонным князем, мир успокоился и расслабился. Зря. Ведь если калитку можно открыть один раз, что помешает сделать это снова?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110341-5

© Антон Демченко, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ПРОЛОГ

Сильнейшая гроза обрушилась на землю внезапно, как это обычно и бывает в преддверии лета. Всполохи молний исполосовали черные, неведь откуда взявшиеся нагромождения туч, ослепили, оглушили грохотом небесной канонады, и в высушенную жарким майским солнцем землю ударили тугие струи дождя, моментально прибившие вездесущую рыжую пыль и омывшие листья небольшой рощицы, окружавшей невысокий холм.

Невдалеке резко взвыла и тут же стихла сирена, а вместе с ее ревом пропал и свет в маленьком поселке, выстроенном на пусть и не очень высоком, но обрывистом берегу, под которым все громче kloкотала обычно спокойная и прозрачная, а сейчас вдруг ставшая буйной, река. Еще недавно плавно и величественно катившая свои воды среди полей и рощ, она взбурлила, вздымая валы помутневших волн все выше и выше, выплеснулась на пологий берег и разлилась вширь, скрывая под собой невидимые в наступившей темноте, черные от вывороченной земли, пашни, затапливая сады и перелески.

Неслышно за воем ветра скрипнула дверь одного из домов, на пороге мелькнула стремительная тень и канула в темноте переулка, лишённого привычного света фонарей. Рыкнул, перекрыв грохот грома, прогоревшим глушителем старый мотоцикл и, натужно завывая износившимся двигателем, покотил по улице, изредка замирая то у одного, то у другого дома. Маленький поселок, притворившийся пустым под напором грозы, словно

в надежде, что та не заметит и обойдет его стороной, вдруг наполнился суматохой и звуками. Залаляли псы, где-то заголосил ребенок, мужской голос рывкнул, пресекая поднимающуюся в его доме женскую истерику. В неверном свете ручных фонарей, керосинок и свечей замельтешили тени, а к запаху озона в воздухе добавился запах страха и неуверенности. Зафырчали двигатели немногочисленных автомобилей, и тени заскользили к ним, загружая машины тюками и мешками под перебивающие шум разбушевавшейся стихии окрики.

— Куда ты перину потащила, дура?! На чердак ее, «память» еж! Детей собирай, курица!

— Батюшки, что ж это за напасть! Олька, да угомони ты своего оглоеда, чтоб под ногами не путался!

— Дамба-то, дамба!

— Как второй каскад рухнет, нас отсюда в самый Азов вынесет!

— Не стони, мать, справимся! А ну-ка, Ваня, помоги «артиллерию» в машину отволочь.

— Говорят, еще час-полтора выдержит. На Константиновск уходить надо, тогда, глядишь, и выплывем.

— Жратву не забудь, олух царя небесного. Кто знает, сколько нам плутать придется!

— Константиновск? Рехнулся? Там и потопнете. К Стычновскому поедем, а еще лучше до Тацинской, если успеем.

— На старые курганы надо! Там точно не достанет, верно говорю. Они высокие! Не достанет разлив.

— Это Лысые лбы, что ли? Ерунда! То обычный паводок не дотянется, а тут, почитай, весь водохрани спустило, накроет твои курганы, «мама» сказать не успеешь!

Потянулись машины из поселка, увозя прочь от разбушевавшейся, вырвавшейся из плена плотины стихии, хмурых мужчин, нервничающих женщин, любопытных

детей и по-стариковски размеренных, спокойных дедов, шикающих на своих тихо причитающих жен.

Ерофей проводил взглядом цепочку огней и, вздохнув, тяжело осел на седло «Урала». Замученный бездорожьем и годами, мотоцикл тихо скрипнул под небольшим весом хозяина, а тот, зажмурившись, подставил лицо хлещущим струям дождя и замер, словно прислушиваясь к чему-то. Миг-другой, и мужчина в потрепанном камуфляже нахмурился. Открыв глаза, он слез с мотоцикла и, ничуть не плутая в темноте, уверенно зашагал к ближайшему дому, хозяева которого давно переехали в город, оставив деревенский дом под присмотр соседей. Ероха и знать не знал, что вчера здесь появился сын старого Степана с пассией, потому и не подумал предупредить парочку о грядущем наводнении. И если бы не врожденное, почти собачье чутье да ветер, донесший до Ерофея запах дыма... вполне возможно, что гостям пришлось бы спастись от воды на чердаке или крыше.

Объяснить влюбленной парочке, млеющей у каминна под аккомпанемент дождя, что происходит на улице, Ерохе удалось довольно быстро. Да и собрались они почти моментально, благо приехали в поселок налегке. Так что спустя четверть часа древний «Урал» с перегруженной коляской, буксуя в грязи, увозил трех человек и пару битком набитых рюкзаков в ту же сторону, куда ушел «караван» местных жителей. Да, езда в ливень на старом раздолбанном мотоцикле не слишком комфортна, но уж лучше так, чем изображать куриц на насесте, сидя на коньке крыши чьего-то дома, в ожидании пока на горизонте не появятся бравые ребята в оранжевых тельняшках.

Утро компания из трех человек встретила на вершине одного из Лысых лбов. Двигаться дальше было невозможно, да и до самого кургана они еле добрались.

А в момент, когда над землей вошло солнце, стало ясно, что здесь они задержатся надолго. Вокруг кургана, куда ни глянь, расстиралось бурлящее мутное море. Хорошо еще, что ливень кончился, и у застрявших на вершине холма людей появилась возможность обсохнуть и обогреться, правда, для этого мужчинам пришлось вплавь добираться до ближайшей рожицы. Сырые дрова гореть не хотели, но с этой неприятностью вполне успешно справилось некоторое количество жидкости, слитой из бензобака мотоцикла, так что вскоре на вершине кургана весело трещали сразу пара костров, рядом с которыми на кольях была развешена сырая одежда путников. Единственная девушка в собравшейся здесь компании стеснительно куталась в сухое одеяло, выгащенное Ерофеем из своего рюкзака, а вот мужчинам пришлось отбросить несвоевременный стыд и плясать гольшом между двух костров, в ожидании пока высохнет их одежда.

— Ох, хорошо. Высохло. Теплое... — протянул Ерофа, натягивая пропахший дымом «камок», и, выудив из рюкзака две пары сухих носков, протянул одну из них одевающемуся рядом парню. Тот благодарно кивнул и, бросив короткий взгляд на задремавшую подругу, тяжело вздохнул. Не так, совсем не так он планировал провести эти выходные.

— Ерофей Палыч, а как мы отсюда... — Ослепительная вспышка и оглушающий грохот грома в безоблачном небе прервал молодого человека. А когда он проморгался и поднялся на ноги, то обнаружил рядом только перепуганную подругу. А там, где только что стоял их спаситель, остался лишь пепел да запах паленых волос.

Часть I

СКРИП НЕЗАПЕРТОЙ ДВЕРИ

Глава 1

Я, Ерофей Всеславич... Хабаров... я, Горазд... Павлович... Святитский. Нет! Я, Ерофей... Всеславич... Павлович? Хаб... Святитский? Хабаров? Кто я?!

Мысли метались, словно взволнованные чайки меж скал. Гулко, громко, беспорядочно. Кое-как приняв сидячее положение, я чуть ли не кубарем скатился с высокой постели и замер перед невысоким, но очень широким, массивным шкафом с зеркальной дверью. Коснулся своего отражения ладонью... и отпрянул. Это я?! Вот этот вот худой мальчишка с русой шевелюрой, всклокоченной, словно иголки ежа, это теперь я? Снова?!

Истерика схлынула, разум привычно сковал выплеск эмоций, спрятав их до поры до времени где-то в глубинах подсознания, и я смог чуть менее предвзято оценить произошедшие метаморфозы. Понятно, что со мной случилось нечто из ряда вон выходящее, но это не значит, что нужно прямо сейчас сесть на пол... кстати, не крашенный, а скобленный, и начинать оплакивать прежнюю жизнь. В конце концов, как часто сорокалетним, битым жизнью мужикам удастся вернуться в... ну, пусть не в детство, а юношество? Вот-вот. Так, эмоции в сторону, воспоминания туда же... кашу в голове можно будет расхлебать и чуть позже. А пока определимся с телом и окружающей реальностью.

Рука непроизвольно потянулась к подбородку, в поисках небольшого треугольного шрама, полученного в детской драке, но наткнулась лишь на нежную ребячью кожу, не знавшую не только бритвы, но даже юношеского пушка. Хм, лет пятнадцать-шестнадцать, да? У меня и в *тот* раз первые намеки на щетину появились лет в семнадцать. Эх, помню-помню, как завидовал своим одноклассникам по этому поводу. Здесь, очевидно, дела обстоят так же... если это, конечно, мое тело.

Тряхнув головой, всмотрелся получше в свое отражение и вздохнул. Похож, очень похож... но не я. Нет привычных отметин-шрамов, большую часть которых я получил в шепутном детском возрасте, зато имеются иные, в немалом количестве, но самое главное — глаза. У меня всегда были серые с прозеленью зенки. Помнится, в детстве, когда я что-то выпрашивал у матери и доставал ее до печенок, она все фыркала, требуя, чтоб я своими болотами на нее не тарасился. А у этого... тела глаза почти черные. Темные-темные. Непривычно.

Я передернул плечами. М-да, жилистый персонаж, я, помнится, хоть задохликом в этом возрасте не был, но, кажется, все же был похлипче. Или просто нескладней?

— Налюбовался? — Я аж подпрыгнул от неожиданности, услышав этот голос. Обернулся, окинул взглядом стоящего в дверях старика совершенно деревенского вида и вздохнул. Ну да, обстановка как бы намекает. Комната, в которой я очнулся, тоже не тянет на спальню в городской квартире.

— Да, — хрипло ответил я.

— Вот и ладно. Надевай портки, и идем за стол. Старая как раз обед собрала. Заморим червячка, потом поговорим... о разном, хех. — Усмехнувшись в седые усы, дед еще и поторопил, кивнув в сторону небольшого столика у кровати, на котором лежала стопка вещей: — Ну, так и будешь столбом стоять?

— Иду, — откликнулся я.

Тесемки-завязки... одевшись по деревенской моде эдак семидесятилетней давности, я прошлепал босыми ногами на выход из спальни и оказался в длинной комнате с огромной русской печью и лавками вдоль стен. Красный угол с потемневшими иконами под беленым потолком, массивный стол, за которым может разместиться немаленькая семья, домотканые половики-дорожки, низкие окна... старина так и прет изо всех щелей. Куда ж меня занесло-то, а?

— Садись, юноша, потом оглядишься. — Старик, уже устроившийся на лавке чуть ли не под самыми образами, указал мне на табурет и, не дожидаясь, пока я выполню «повеление», отвел взгляд куда-то в сторону. — Мать, скоро ты там? Мужики есть хотя!

— Потерпишь! — откликнулся из-за занавески женский голос, но почти тут же его обладательница выплыла в комнату. Высокая, статная, в годах уже, правда, но... волос черен, голос силен, да и движется совсем не постарушечьи. Походка плавная, взгляд ясный. Ох и не проста «мать». Совсем не проста.

Звучно брякнул об подставку на столе пышущий жаром чугунок, тут же рядом оказались миски с соленьями и тарелка со свежими огурцами и помидорами. Мятая картошка со шкварками, ароматный домашний хлеб... от обилия притягательных запахов я чуть не подавился слюной. В животе голодно заурчало, и едва в руке моей оказалась ложка... Как там? Дела подождут? Вот-вот. Я и не подозревал, насколько голоден, оказывается.

Стучат о чугунок деревянные ложки, мы с дедом словно соревнуемся в скорости, а хозяйка только посмеивается, глядя на наш безмолвный спор, и ест не торопясь, даже с какой-то ленцой. Странная пара.

Отвалившись от стола и переглянувшись со стариком, мы одновременно поднялись из-за стола и, по-

благодарив хозяйку за обед, потопали... ну, собственно, первым потопал дед, демонстративно побряхтывая и только что не хватаясь за спину, а я пошел следом за ним. Хлопнула дверь, и, миновав небольшие сени, мы оказались во дворе. Но не успел старый сделать и пару шагов от входа в дом, как под ноги ему с радостным лаем, вращая хвостом словно пропеллером, кинулся небольшой пес и тут же принялся прыгать вокруг хозяйина, выпрашивая то ли подачку, то ли ласку. Потрепав собакина по холке, дед указал ему на меня: «Свой». Пес потянул носом воздух и, коротко тявкнув, исчез за какими-то кустами.

Усевшись на небольшой лавке под раскидистой яблоней, старик смерил меня коротким взглядом и, выудив из кармана кургузого пиджака расшитый кисет, принялся неторопливо сворачивать самокрутку. Молча... гад.

Поняв, что обещанная беседа откладывается на неопределенный срок, я, пожав плечами, огляделся по сторонам и, подхватив стоящий у стены дома чурбачок, уселся невдалеке от деда. Мне было о чем подумать и без разговоров.

Солнышко пригревает, в небе разливаются птички трели, а в моей многострадальной голове скользят странные мысли и не менее странные воспоминания, двоятся, разбегаются, сменяют друг друга, как в калейдоскопе. Так что сразу и не поймешь, где мои, а где... его... здешнего меня, то бишь шестнадцатилетнего оболтуса, без семьи и дома, невесть каким ветром занесенного в приазовские степи только для того, чтобы получить удар молнии во время ночевки на кургане. Знакомый финал...

— Как себя чувствуешь, Ероха? — Окутавшись сильным дымом, неожиданно произнес старик, выбивая меня из размышлений-воспоминаний.

— Голова побаливает, а так вроде бы ничего. — Пожал я плечами и тут же насторожился. Пусть память паренька пока и не открылась мне полностью, но в том, что он в глаза никогда не видел сидящего напротив меня старика, я был уверен. — А откуда вам мое имя известно?

— Так ты сам мне назвался, — усмехнулся дед. — Пока я тебя с кургана нес, ты раза три в себя приходил. Не помнишь?

— Нет. — Я осторожно покачал головой.

— Неудивительно. — Вздыхнул мой собеседник. — Жар у тебя был такой, что старуха моя с ног сбилась, пока его не уняла.

— Я заболел?

— Простудился сильно, — кивнул дед. — Позавчера ливень был, думаю, под него ты и попал. Ну да ничего, сегодня-завтра еще может полихорадить, а там и выздоровеешь. Моя старуха первая лекарка в округе, и не таких болезней на ноги ставила. Да и ты парень молодой, крепкий. Выдюжишь.

— Да я уже сейчас себя неплохо чувствую, — признался я, прислушавшись к своему организму. И действительно, кроме небольшой головной боли, никаких недомоганий. Горло и легкие не дерет, слабости не чувствую, да и температуры вроде бы нет. Если прав дед насчет простуды, то его жена, действительно, чудесница. — А как я здесь оказался?

— Так говорю же, я тебя принес, — отозвался старик. — Ходил вчера за травами к курганам, там на тебя и наткнулся у погасшего кострища. Без вещей и одежды. Думаю, ты их просушить хотел, да сознание потерял, вот одежка от костра и занялась.

— Не помню. — Вздыхнул я. — Как под ливень попал, вроде бы вспоминаю, как на курган взбирался, подалее от воды. А что потом было... нет, не помню.

— Ну и ладно. Оно не к спеху, — отмахнулся дед. — Оклемаешься, глядишь, оно и само вспомнится. А насчет вещей не переживай, мы со старухой поможем, чем сможем.

— Спасибо, — кивнул я и, чуть помедлив, спросил, мысленно укоряя себя за тормознутость: — Извините, а как мне к вам и вашей супруге обращаться?

— Хех, «супруге»... — Старик рассыпался сухим, коротким смешком. — Эка ты ее... Я — дед Богдан, а жену мою Ружаной зовут.

— А... а по отчеству? — уточнил я.

— Точно городской. — Покивал своим мыслям мой собеседник и вздохнул. — Просто дед Богдан и... тетка Ружана. Бабкой ее называть не стоит. Рука у моей жены тяжелая, да и ухват не легче. Как по спине перетянет, враз о радикулите забываю.

— Понял, — кивнул я. — А что, дед Богдан, из моих вещей вообще ничего не осталось?

— Портки рваные да кусок сумки. Ни денег, ни документов, ничего. — Развел руками старик и, заметив, что я нахмурился, улыбнулся. — Да ты не переживай, Ероха. Вещи — тлен. Одежду я тебе сыновнюю дам, ему она уже не нужна, вырос, а как оклемаешься, съездим в юрт, там и бумаги тебе выправим.

— Спасибо, дед Богдан! — Я постарался улыбнуться в ответ. — За помощь и лечение, за участие. А одежда, вещи... я отработаю, честное слово.

— Сначала в себя приди, да выздоровей, — поднявшись с лавки, проговорил тот. — А потом уж... «Отработаю», ишь ты. Сговоримся, Ероха.

Дед Богдан хлопнул меня по плечу и, бросив окурок в пустую консервную банку, стоящую у лавки, топтал в дом. Проводив взглядом старика, я прикрыл глаза и, оперевшись спиной о стену, погрузился в воспоминания здешнего себя. К сожалению, вспомнилось

не все. Большая часть жизни этого тела для меня оказалась покрыта мраком неизвестности. Сирота и бродяга, мотавшийся по городам и весям страны с одиннадцати лет, вот кем оказался Горазд Всеславич Святитский. Но вспомнить, где именно он бывал, кого знает, кто его знает, мне почти не удалось. Так, несколько размытых лиц, неузнаваемые образы каких-то мест. Скучно, очень скучно. С другой стороны, даже этой малости хватило, чтобы понять: или я совсем не дома, в смысле, не на Земле, или у парня были серьезные проблемы с головой. Уж очень крепкие галлюцинации его донимали. А как еще объяснить машины весьма странных конструкций на улицах городов, огромные летающие хреновины, виденные им в небе, и прочую чушь, место которой в фэнтезийных книжках, а не в обычной жизни?!

С другой стороны, происшедшее со мной тоже нельзя назвать обыденным. Сорокалетний одинокий мужик, схлопотав удар молнии по темечку на вершине древнего кургана, попадает в тело шестнадцатилетнего бродяги со сходной фамилией*, угодившего в точно такой же переплет... чем не завязка сюжета о попаданце? Я нервно хихикнул. Схожести-похожести... интересно, если бы отец, любитель истории, чтоб ему на том свете было хорошо и уютно, дал мне другое имя, этот финт с молниями сработал или нет? Или сработал бы частично? И как бы это выглядело, а?

Тихий смешок перешел в хохот, который мне едва удалось прекратить. Истерика? У меня? Вот ведь гадость какая... или это влияние тела? Хм, должно быть, оно и есть. Или нет? Стоп-стоп-стоп. Успокоиться,

---

* Ерофей Павлович Хабаров-Святитский (родился около 1603 года в городе Сольвычегодске Великоустюгского уезда. Умер около 1671 года в Братском или Усть-Кирегенском остроге) — русский землепроходец, осваивавший Приамурье.